

Абазова Марита Мухамедовна

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ НА СОБСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ БАЗЕ

В статье приводится анализ слов в речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе. Отмечается, что сравнительное изучение лексики в ее речи дает ценный материал не только для исследования истории кабардино-черкесского языка, но и для понимания современного состояния его словаря. Делается вывод, что черкесы, проживающие в Турции, не смогли полностью сохранить свою лексику, совпадающую с литературным языком на исторической Родине.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.3

Филологические науки

В статье приводится анализ слов в речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе. Отмечается, что сравнительное изучение лексики в ее речи дает ценный материал не только для исследования истории кабардино-черкесского языка, но и для понимания современного состояния его словаря. Делается вывод, что черкесы, проживающие в Турции, не смогли полностью сохранить свою лексику, совпадающую с литературным языком на исторической Родине.

Ключевые слова и фразы: диаспора; речь черкесской диаспоры; кабардино-черкесский язык; сравнительное языкознание; семантика; лексика.

Абазова Марита Мухамедовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

marita.abazova@yandex.ru

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ НА СОБСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ БАЗЕ[©]

Лексический уровень языка как самый обширный несопоставим ни по числу единиц, ни по сложности и многообразию ни с фонетическим, ни с морфологическим, ни с синтаксическим уровнями. Лексика – самый динамичный и вместе с тем самый многомерный, многопараметровый компонент языка. Совокупность всех этих признаков и характеристик обуславливает то, что лексика не только находится в постоянном движении, но по существу и не очерчена в каждый данный момент существования языка с достаточной определенностью [13, с. 20].

Словарный состав речи современной черкесской диаспоры в Турции отражает связи, контакты, совместную жизнь ее носителя – кабардинцев (черкесов) с другими народами страны. Заимствования из языков этих народов, различных адыгских диалектов и говоров составляют определенный лексический пласт кабардино-черкесского языка. В теоретическом плане сравнительное изучение лексики речи черкесской диаспоры в Турции может дать ценный материал не только для воссоздания истории кабардино-черкесского языка, но и для понимания современного состояния его словаря. Речь черкесской диаспоры в Турции, образовавшаяся в результате сложных процессов дифференциации и интеграции языка, в силу лингвистических и экстралингвистических условий продолжает существовать как особая единица.

Х. Т. Таов, анализируя речь адыгской диаспоры за рубежом, с одной стороны, показывает, что в ней сохранились архаизмы, функционировавшие в период общеадыгского языкового единства, с другой, выделяет неологизмы и заимствования, появившиеся в результате длительного изолированного развития и под сильным влиянием иноязычного окружения. В своей работе он приводит многочисленные примеры заимствований из арабского, турецкого языков: *арпэ* «ячмень», *аскер* «солдат», *зейтун* «оливие» и т.д. [11, с. 88-87].

Б. Ч. Бижоев выделяет целый пласт заимствованных слов из арабского и турецкого языков, которые отсутствуют в кабардино-черкесском литературном языке, появившийся в результате тесного и длительного контакта с носителями указанных языков в течение почти полутора веков. Он делит эти заимствования на две группы: 1) слова, которые не имеют синонимов из исконной лексики; 2) слова, которые вытеснили исконные слова или же сосуществуют с ними как синонимы [3, с. 51-52].

Таким образом, целью настоящей работы было исследование лексического состава речи черкесской диаспоры в Турции на основе анализа полевых материалов автора [7] и фонотеки архива КБИГИ [1]. Это в полной мере позволяет выявить и охарактеризовать целый комплекс слов, которые отсутствуют в современном литературном кабардино-черкесском языке.

Фактов, свидетельствующих о том, что речь диаспоры в иноэтничной среде продолжала развиваться за счет внутренних резервов, собственного потенциала, не так много. Тем не менее, этот способ обогащения лексики действовал как бы по инерции вплоть до 70-х гг. XX в., то есть до резкого изменения языковой ситуации в результате массового переселения адыгов (черкесов) в города и активного проникновения турецкого языка в адыгские села через школьное образование и средства массовой информации. В последние десятилетия о развитии лексики на собственной базе говорить не приходится, о чем свидетельствует собранный нами материал. Учитывая ряд специфических особенностей, их можно распределить по видовой принадлежности на следующие группы:

1. Неологизмы. Одним из основных путей обогащения лексики является образование новых слов на собственной языковой базе. Этот способ наиболее четко проявляется в развивающихся, имеющих стабильное положение в обществе языках. Однако кабардино-черкесский язык в Турции находится в иной ситуации в том плане, что в речи черкесской диаспоры сложно выявить новые исконные слова, образовавшиеся уже на территории их современного проживания. Тем не менее, в ходе анализа полевых материалов нам удалось зафиксировать несколько подобных неологизмов:

Гъуэиш вместо *сагъыз* «жвачка» [9, с. 605]. В речи черкесской диаспоры в Турции это слово образуется от *жъэгъуаишэн* – то есть «жевать». *Гъуэиш бгъэныцкIуу уэрамым ирикIуэныр куэду емькIус* [7]. / «Иди по улице, жуя жвачку, считается очень непристойным» (А. Жылэхъэж, 14 лет, Стамбул) (*Здесь и далее перевод автора – М. М.*).

Егъэзын вместо *хэгъэзыхьын* «принуждать, заставлять» [9, с. 679]. *Ефэндым мэжсгъытым ирегъаджэ, хуэра, егъэза цыIэлым* [1]. / «Эфенди обучает желающих в мечети, никого не принуждая» (Д. Кумыш, 40 лет, Стамбул).

В разговорной речи адыгейского языка встречается слово «егъэзын» со значением «приневоливать кого-л. к чему-л.» [8, с. 698]. Оно присутствует и в местных говорах кабардинского языка. Например, в кубано-зеленчукских говорах зафиксировано производное от *егъэзын* слово *егъэзыгъэ* «принуждение к чему-л.» [9, с. 144].

Зыгъэубылъын вместо *зыгъэцкIун* «спрятаться» [Там же, с. 280]. *Хъэубыдхэр ди яужьым кыхьа, ау зыдгъэубылъри зий дыкъаубыдаккъым* [7]. / «Полицейские следили за нами, но мы спрятались, и нас не смогли поймать» (М. Иутыжь (Тебер), 67 лет, Стамбул).

КIагуэ. В диаспоре это слово употребляется в значении «турок» вместо литературного *тырку* «турки» [9, с. 641]. *ДыкъэкIуа цхъэчIэ мы кIагуэжъхэм дражагъуэц* [1]. / «Мы пришли, но турки нас недолюбливают» (Т. Къущхъэ, 37 лет, Кайсери).

ПэгъуэкI вместо *жэуап* «ответ» [9, с. 172]. *УнцIу хъуам и пэгъуэкIыр естынц* [1]. / «Я дам ответы на все ваши вопросы» (М. Саадэт, 55 лет, Стамбул).

Тегушцыхьын вместо *егупсысын* «подумать над чем-л., о чем-л.» [9, с. 143]. *Абы дытегушцыхь абыми дытелэжыыхьу Iустазыр дгъэхъэзырас, ди хасэр дыхуас* [1]. / «Мы подумали над этим и подготовили свой “закон”, создали Хасу» (С. Есэн, 61 лет, Кайсери).

Хъэду вместо *зауэ* «битва, сражение» [9, с. 186]. *Ди адэри экъуэшитху хъут, цыр мыбы хъэдум хэкIуэ-дас и нэхъыжъхэр* [1]. / «В семье отца их было пять братьев, старшие три брата погибли здесь на войне» (Хь. Къэндур, 35 лет, Чамурлы).

Хъелэ вместо *гүфIэгъуэ* «радостное событие» [9, с. 79]. *Нобэ, мэсэла, хъер Iуоху иIуу зыгуэрым хъелэ Iуэху иIэмэ и гъунэгъуэхэр зыхуешэс* [1]... / «Например, если сегодня у кого-то радостное событие, он собирает соседей...» (И. Шыбыхъуэ, 66 лет, Стамбул).

2. Слова с изменившейся семантикой. Слова и выражения обозначают предметы «...лишь при определенных обстоятельствах – в рамках знаковых ситуаций. Во всех же остальных случаях они фигурируют просто как смысловые единицы, не выполняя функции обозначения» [5, с. 54]. В значениях слова зафиксирована устная форма проявления речевой деятельности: говорить – это прежде всего пользоваться голосом, строить в устной речи высказывания [2, с. 34].

В период самостоятельного развития в речи кабардино-черкесской диаспоры у некоторых слов сформировались новые значения, неизвестные современному кабардино-черкесскому литературному языку. То есть в лексической системе черкесской речи в Турции употребляется ряд слов с семантическими отклонениями.

Гу – в литературном языке имеет следующие значения: 1) сердце; 2) арба, повозка [9, с. 67]. ...*Нэхъыжъ исмэ, гум кърагъэгъазIым* [4, с. 215]. / «Если в машине сидит старший, то машину не поворачивают назад». Слово «гу» употребляется в значении «автомобиль» вместо литературного *машинэ* (С.-Э. Жылэгъуэц, 45 лет, Анкара). Данный факт отмечен Х. Т. Таовым. По его мнению, от этого слова образовались понятия *гузехуэ* «шофер, водитель», *гум исын* «сидеть в машине», *гукIэ кIуэн* «поехать на машине» [10, с. 81].

Гъуеин – в литературном языке употребляется в значении «блеять (об овцах, козах)»: *мэлыр мэгуэй* «овца “блеет”» [6, с. 57]. У диаспоры это слово получило значение «плакать» по отношению к людям. *Си адэм янэр хэкум и гугъу ищIуэ гъуэйуэ нэмэз цыгъэр игъажу цыст* [1]. / «Мать моего отца сидела и плакала, рассказывая о родине и одновременно перебирая четки» (Б. Чылар, 30 лет, Анкара). Это слово сравнимо с литературным *гъын* «плакать» [9, с. 99].

ЗэпхъэкIын – в литературном языке употребляется в значении «рассыпать что-л. позади себя» [Там же, с. 223]. В речи диаспоры слово «зэпхъэкIын» имеет переносное, образное значение. *Адыгэхэм хъэдэ зрапхъэкIуэрэ къэкIуас* [1]. / «По дороге сюда адыги оставляли в пути много умерших людей» (Т. Къущхъэ, 37 лет, Кайсери). *ЗэпхъэкIын* употребляется в значении «оставить» вместо литературного *къэгъэнэн* [9, с. 363].

Итын – в литературном языке употребляется в значении «находиться где-л.» [Там же, с. 318]. В речи диаспоры это слово получает два новых значения: 1. *Мы хэгъэгум, нетIэ зэрыжысIам хуэду, къэбэрдейр нэхъ куэдыIуэу итс* [1]. / «В этой местности, как я говорил ранее, кабардинцев проживает больше» (Н. Дэгү, 60 лет, Инлиорен). *Итс* в значении «проживает» вместо *исын*, *цыпсэун* [9, с. 317]. 2. *Къэбэрдейм я хабзэ нэхъ куэдэу итс* [1]. / «Здесь этикет кабардинцев преобладает» (Н. Дэгү, 60 лет, Инлиорен). *Итс* употребляется в значении «преобладает» вместо литературного *зехъэн* [9, с. 273].

Ицхъэ – в литературном языке употребляется в значении «наверху» [Там же, с. 321]. *Iуохум ицхъэ дыдэр, зы алфэбэ яIэн хуес* [1]. / «В нашем деле самое главное иметь единый алфавит» (Я.-К. Акъсырэ, 50 лет, Кайсери). *Ицхъэ* употребляется в значении «главное» вместо литературного *нэхъыцхъэ* [9, с. 538].

Къэбжын – в литературном языке имеет следующие значения: 1) подсчитать кого – что-л.; 2) *перен.* болтать, нести вздор, плести ерунду [Там же, с. 361]. *Iуэхур нэхъыфI зэрыхъунур къэбжашц* [1]. / «Я рассчитал, как лучше пойдет дело» (Э. Сэбэней, 72 года, Анкара). *Къэбжын* употребляется в значении «подумать, считать» вместо литературного *къэлытэн* [9, с. 370].

Къыпыгъэзын – в литературном языке употребляется в значении «отделить, отрезать что-л., от чего-л.» [Там же, с. 442]. *ФикIынуш” жасIэу къыпагъэза нэужь, [адыгэхэр] тIэ зи мыхъуами дыздэкIуэри мустъымэн*

цЫнальэц жэлэри, ахуэдэ гугъанлэ тлэклу ялэу къэклуас [4, с. 225, 239]... / «Когда [адыгов] принудили покинуть [родину], они, сказав, как бы там ни было, куда мы идем – мусульманская территория, имея такие надежды, они приехали» (Т. Къущхэ, 37 лет, Кайсери). *Къытыгъэзын* употребляется в значении «заставить, принудить» вместо литературного *хэгъэзыхын, ехулэн* [9, с. 679, 166].

Лъэрыху – в литературном языке употребляется в значении «стремительно, без оглядки» [Там же, с. 498]. *Цыхум зрихээн цхъа* [бзэ] *лъэрыху зрихэфын хуей сытри, псынцилэу зепхэфмэс къыцыцхээнур цыхум* [1]. / «Для того чтобы пользоваться [языком], человек должен владеть им искусно, только в этом случае это ему пригодится» (Я.-К. Акъсырэ, 50 лет, Кайсери). *Лъэрыху* употребляется в значении «искусно, мастерски» вместо литературного *шэрыуэ* [9, с. 759].

Информатор использует слова «*лъэрыху*» и «*псынцилэу*» как синонимы. Однако по литературным нормам языка нужно употребить вместо них слово «шэрыуэ».

Пианэлудз – в литературном языке имеет следующие значения: 1) *уст.* щит; 2) *перен.* берег; тот, кто подвергается опасности ради кого-л. [Там же, с. 582]. *Зыгуэр хузэфлэчыу зыгуэрэ къэклуамэ, зыгуэрэ хуамэ пианэлудзыр ягаклуэ* [1]. / «Если приходит какой-то богатый человек или же что-то случается, отправляют более уважаемого человека» (К. Гуэбэшы, 68 лет, Кайсери). *Пианэлудз* употребляется в значении «более уважаемый человек» вместо литературного *пцлэ зыхуацл* [9, с. 586].

Унагъуэцлэ – эта словоформа встречается в кубано-зеленчукском говоре черкесского в значении «фамилия» [Там же, с. 657]. С этим же значением в литературном языке употребляется слово «*унэцлэ*». В речи фактически всех информаторов из числа диаспоры используется только слово «*унагъуэцлэ*» в значении фамилия: *Си цлэр Исхэкъ, си унагъуэцлэр Акбай* [7]. / «Зовут меня Исхак, моя фамилия Акбай» (И. Акбай, 30 лет, Кайсери).

Хэзын – в литературном языке употребляется в значении «находиться в большом количестве где-л., в чем-л.» [9, с. 682]. *А хабзэхэри ди гъацлэм хэзыжам* [7]. / Эти обычаи исчезли из нашей жизни (Р. Гусар, 38 лет, Кайсери). *Хэзын* употребляется в значении «исчезли» вместо литературного *хэклуэдыктын* [9, с. 683].

Хуэнасыпн – в литературном языке от слова *насып* «счастье» эта словоформа не образуется. *Г'эгум цыхъа абыми цлалэр занцулу клуэуэ жьантлэм увлым, йоплъ абыи, езым хуэфациэ, езым и ныбжьэгъу, езым хуэнасып зыцлынлэ дей мэув* [1]. / «Когда парень приходит на свадьбу, он не идет сразу на почетное место, а смотрит, где находятся его друзья, и только потом занимает положенное ему место» (И. Шыбыхуэ, 66 лет, Стамбул). *Хуэнасып* употребляется в значении «подобающее (место)» вместо литературного *къылгыс* (увьплэ) [9, с. 652].

Хъэубыд – в литературном языке употребляется в значении «собачник» [Там же, с. 734]. *Щалиц дыхъути, мо хъэубыдхэр къыткэлъыплът, адыгэбзэ тхыль тлыгъыу дыкъаубыдамэ, дагъэтлысынута* [7]. / «Нас было четыре парня, полицейские следили за нами, если нас поймали бы с этими книгами, нас посадили бы» (М. Тутыжь (Тебер), 67 лет, Стамбул). *Хъэубыд* употребляется в значении «полиция, полицейские». Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с кличкой наподобие встречающихся в нашей речи «коп», «мент» и т.п.

Некоторые лексические единицы с тем же значением, что и в диаспоре, мы встречаем в отдельных диалектах и говорах и на исторической родине. Для черкесов, проживающих за рубежом, в таких случаях подобные значения стали общими в результате смещения носителей различных наречий.

3. Слова с фонетическими изменениями. При анализе архивных и полевых материалов, содержащих сведения о речи черкесской диаспоры в Турции, можно выделить целый лексический пласт с фонетическими отклонениями. Это вызвано, во-первых, теми фонетическими процессами, которые стали протекать среди черкесов за рубежом в результате смешивания различных диалектов и говоров; и, во-вторых, по той причине, что те фонетические процессы, которые начались еще до их выселения и которые на родине фактически завершились под влиянием норм литературного языка, внедрявшихся через школьное образование, прессу, радио, художественную литературу, среди черкесов в диаспоре затормозились, законсервировались из-за отсутствия перечисленных факторов. Например: *ад'игэбзэ* вм. *адыгэбзэ* «кабардино-черкесский язык»; *г'эд* вм. *джэд* «курица»; *зэамызэ* вм. *зээмизэ* «иногда», *к'лэтроф* вм. *к'лэртлоф* «картофель»; *мазэ* *лэсхун* вм. *мазэ* *къэсыхун* «каждый месяц»; *псим* вм. *псым* «в воде»; *шыколхэр* вм. *ш[л]колхэр* «школы»; *лэджалэ* вм. *къыджалэ* «говорят».

4. Фразеология. Образование фразеологизмов в языке – процесс длительный, происходящий в течение десятилетий, даже столетий. Поэтому трудно было ожидать, что за полтора столетия, в течение которых черкесы проживают в Турции, в их речи могло появиться много подобных сложных образований. Тем не менее, в ходе анализа полевых материалов нам был выявлен ряд идиом. Одна часть из них является новообразованиями, а другая – это идиомы, получившие новое значение:

Дунейм клуэжын. *Дадэһэр дунем клуэжас* [Там же]. / «Дедушки ушли из жизни» (А. Жылэхэж, 14 лет, Стамбул). В литературном языке употребляется фразеологическая единица *дунейм ехыжын* «уйти из жизни» [9, с. 128].

Джып телефон. *Иджыпсту упсэуныр куэду тынши хуас, хэт ухуеми джып телефономк'лэ къыбогъуэтыф* [7]. / «Сейчас жить стало очень легко, так как с помощью сотового телефона можно найти сразу того человека, который тебе нужен» (Ф. Тебер, 63 года, Стамбул). Если дословно перевести это устойчивое словосочетание, получается *джып* (в турецком языке встречается слово (*сер*) и в кабардино-черкесском языке (*жып*) с одной семантикой) – «карман» + «телефон», то есть карманный телефон.

Жэназы дэхын. *Нэхъыжъым тажджэ ищӀырэ къыщӀэкӀыжмэ, адрей къуажэ гун кӀуар ищӀыхурэ ахурэ зыхуосри, жэназыр яӀэтын мэху, яӀэтын мэхури жэназыр дах, жэназыр дах, ягъэтӀыль абыжъыми къагъээжэ* [1]. / «После того, как старший совершит молитву и выходит, заходит другая группа из другого села, таким образом, все собираются, и наступает время поднятия умершего, и так они его выносят, хоронят и возвращаются» (И. Шыбызхуэ, 66 лет, Стамбул). *Жэназы дэхын* в значении «унести покойного (на кладбище)» вместо литературного *хэдэ дэхын* [9, с. 725]. В литературном языке употребляется в значении «совершить молитву по умершему» [Там же, с. 171].

Лыгъэм пылъуэ. *...Ахэри тӀэкӀу лыгъэм пылъуэ къэтхас* [1]. / «...Они, немножко переборов себя, засмеялись» (Н. Дэгү, 60 лет, Инлиорен). *Лыгъэм пылъуэ* употребляется в значении «перебороть себя» вместо литературного *лыгъэм зегъэхын* [12, с. 108].

Насыыр бой ищӀ. *Аллыхъым уи насыыр бой ищӀ* [1]! / «Дай Бог тебе долгого счастья» (И. Шыбызхуэ, 66 лет, Стамбул). В литературном языке употребляется фразеологическая единица *насып кӀыхь уху* «долго тебе счастья!» [9, с. 527].

Тезыгу щӀын. *Ар къеж 'эну ямыду, ар къабыл язэрымыгъэциу нэхъ тезыгу яциас* [1]. / «Они не хотели собираться, считая это неправильным решением, пока им не внушили, что так надо» (Н. Дэгү, 60 лет, Инлиорен). В литературном языке употребляется в значении «внушить решимость кому-л.» [9, с. 616].

Таким образом, под влиянием экзогенных и эндогенных факторов речь представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции за почти полувековую историю подверглась значительной трансформации. Современная черкесская диаспора, сформировавшаяся из различных субэтнических адыгских групп, потерявшая повседневный контакт с остальными адыгами и оказавшаяся в окружении иноязычных народностей, не могла полностью сохранить лексику, совпадающую с общепринятой нормой кабардино-черкесского литературного языка.

Список литературы

1. Архив Федерального государственного бюджетного учреждения РАН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН: фонотека. Кассеты № 1073, 1075, 1074, 1077, 1078, 1079.
2. Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1. С. 33-37.
3. Бижоев Б. Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
4. Бижоев Б. Ч. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 201-240.
5. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат, 1968. 263 с.
6. Очерки кабардино-черкесской диалектологии / под ред. М. А. Кумахова. Нальчик: КБНИИ, 1969. 328 с.
7. Полевые материалы автора Абазовой М. М. Турция, г. Стамбул, 2006, 2009, 2012 г. Кайсери, 2009.
8. Русско-адыгейский словарь / под ред. Х. Д. Водождокова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 1098 с.
9. Словарь кабардино-черкесского языка / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд-е. М.: Дигора, 1999. 860 с.
10. Таов Х. Т. Кабардино-черкесская диалектология. Нальчик: КБГУ, 2005. 185 с.
11. Таов Х. Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБГУ, 1997. 132 с.
12. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка / сост.: Б. Ч. Бербеков, Б. Ч. Бижоев, Б. К. Утижев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.
13. Шмелев Л. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 278 с.

DEVELOPMENT OF THE CIRCASSIAN DIASPORA'S SPOKEN LANGUAGE IN TURKEY ON OWN LANGUAGE BASE

Abazova Marita Mukhamedovna, Ph. D. in Philology

Institute for Humanities Research of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
marita.abazova@yandex.ru

The article presents the analysis of words in the spoken language of the Circassian diaspora in Turkey on own language base. It is noted that the comparative study of lexicon in the spoken language of the Circassian diaspora gives a valuable material not only for the research of the Kabardino-Circassian language history, but also for the understanding of a current state of its vocabulary. The conclusion is drawn that the Circassians living in Turkey couldn't preserve completely the lexicon coinciding with the literary language on the historical homeland.

Key words and phrases: diaspora; speech of the Circassian diaspora; the Kabardino-Circassian language; comparative linguistics; semantics; lexicon.